

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

Россия, Самара.
Самарская гуманитарная академия.
Профессор, доктор философских наук.Russia, Samara.
Samara Academy of Humanities.
PhD, Professor of Philosophy Department.kaf_phil@samgum.ru

ЛЮБОВЬ К ДАЛЬНОМУ. ЭСТЕТИКА ДАЛИ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ *

В статье рассматривается такой существенный для русской и европейской культуры феномен, как даль. Исследование дали предваряет ее краткое семантическое обследование с демаркацией границ, отделяющих термин «даль» от «перспективы» и «горизонта». Анализ дали выстраивается в координатах постклассической эстетики расположений. К концептуальному полю эстетики Другого эстетический опыт распадается на эстетику тела (зона интересов классической эстетики), времени и пространства. Феномен дали принадлежит предметной области эстетики измерений как особого региона эстетики пространства. Феноменологическая дескрипция дали осуществляется в ходе ее сопоставления с феноменом простора. Если особенное простора определяется как переживание чистой возможности перемещения, то особенное дали предстает как чувство возможности направленного движения к иному. Линия горизонта, играющая столь заметную роль в пространственной конфигурации дали, воспринимается здесь не в качестве безусловной границы видимого, а в качестве символа бесконечного движения в бесконечном пространстве. Даль — это утверждающее расположение эстетики пространства; Другое открывается в нем на условном уровне. Встреча с далью событийна, но даль как эстетическое расположение предполагает ряд условий, которые делают ее свершение возможным и вероятным. В последней части статьи проводится анализ преэстетических условий встречи с далью как на стороне внешнего референта, так и на стороне субъекта созерцания.

Ключевые слова: даль, эстетика, эстетическое расположение, пространство, возможность, движение, горизонт, направленность, цель, Другое, будущее

The Love of the Distant (Aesthetics of Range in Abstract)

The article deals with the important phenomenon of *range*, a meaningful concept for both Russian and European cultures. The study of *range* is introduced by a brief semantic analysis, which sets the boundaries, differentiating the term *range* from those of "prospect" and "horizon". The analysis of *range* is carried out in terms of the post-classical aesthetics of arrangements. In the conceptual domain of the aesthetics of the Other, the aesthetic experience is divided into the aesthetics of body (classical aesthetics), time, and space. The phenomenon of *range* belongs to the subjective sphere of the aesthetics of dimensions - a special part of the aesthetics of space. A phenomenological description of *range* is presented through its comparison with the phenomenon of space. Whereas the particularity of space is determined as the ability to move, the particularity of *range* is viewed as the feeling of directed movement to the Other. The horizon, which is so important for the spatial configuration of *range*, is perceived here as a symbol of never-ending movement in limitless space, but not as an absolute visual boundary. *Range*, then, is the basic arrangement of the aesthetics of space. The Other is discovered at the reference level. Experiencing *range* is eventful, but *range* — as an aesthetical arrangement — presupposes certain conditions, which make experiencing *range* possible and more likely. The last part of the article deals with an analysis of pre-aesthetical conditions of experiencing *range*, both as regards external reference as well as the subject of contemplation.

Key words: *range*, aesthetics, aesthetical arrangements, space, ability, movement, horizon, directionality, purpose, the Other, future

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-03-00472а («Эстетика пространства в горизонте экзистенциальной аналитики»).

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

Дом стоит, свет горит.
Из окна видна даль
Так откуда взялась — печаль?
Печаль. В. Цой

Что же это такое — даль? В философской эстетике даль исследована не больше, чем другие феномены, которые мы относим к эстетике пространства¹. Подобно простору, бездне, выси и уюту она в концептуальном отношении остается еще не возделанной². Правда, разведчики будущего, художники, уже сделали попытку реализовать концептуальный потенциал дали в рамках музейного биеннале в Красноярске (куратор — Сергей Ковалевский³), что только подтверждает тезис об актуальности эстетики пространства для современной культуры. Обращение к ней художественного авангарда убеждает нас в том, что время для философского осмысления дали уже наступило: теперь дело за инвестициями в ее эстетическое, онтологическое и историко-культурное исследование.

Языковая карта. Ориентация на местности

Начнем наше исследование с прояснения смыслового поля слова «даль» и проанализируем его соотношение с семантически полями других, близких ему терминов.

Существительное «даль» производно от прилагательного «далекий»⁴. Если слово «далекий» указывает на дистанцирован-

ность того или иного предмета или места на значительное от кого-то (или чего-то) расстояние, то производная от «далекого» «даль» *самодостаточна*. Даль — это нечто такое, что имеет значение само по себе, что может быть самостоятельным предметом созерцания: «из окна видна даль...»⁵. Как особый предмет созерцания она несет за собой длинный шлейф эпитетов и может быть «голубой», «таинственной», «туманной», «бесконечной» etc.

Несмотря на свою производность от прилагательного «далекий» первое упоминание существительного «даль» фиксируется еще в *Повести временных лет* под 6496 годом⁶, что свидетельствует о его глубокой древности. В современных толковых словарях чаще всего выделяют два значения слова «даль»: 1) далекое пространство, видимое глазом, и 2) отдаленное, далеко расположенное место (в словаре Т. Ф. Ефремовой в качестве самостоятельного значения выделяется еще и его темпоральная составляющая: даль как «отдаленное от настоящего времени, отдаленность по времени»⁷). Второе значение не имеет прямого отношения к теме нашего исследования (видимость далекого

студентов-филологов отношение слов «даль» и «далекий» используют для прояснения темы производности слов в русском языке: «Даль — далёкий. Слово даль имеет большую морфемную сложность по сравнению со словом далёкий: в морфемной структуре слова даль содержится корень, нулевой суффикс и нулевая флексия, а в структуре слова далёкий вычленяется корень и флексия. В соответствии с критерием производности Г. О. Винокура семантика слова даль выводится посредством ссылки на семантику слова далёкий: даль — «далёкое место», далёкий — «такой, который находится на большом расстоянии или имеет большую протяжённость». Следовательно, слово даль является производным от слова далёкий (даль ← далёкий)» (Санникова Н. Ю. Мотивированность и производность слов в современном русском языке. Издательский дом «Астраханский университет», 2006. http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?pid=26712&p_page=2).

⁵ Здесь мы склонны согласиться с В. И. Далем, когда он в статье на слово «далекий» пишет: «Даль, далина перм. далица, увелич. далища, даличина ж. сравнительно большое расстояние, не как свойство далекого, а по себе; между дальность и даль то же отношение, как между далекий и далеко, между прилаг. и нареч.; поему даль, далина, означает также самый предмет, что вдали, что удалено, отдалено...» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (онлайн версия). <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-6073.htm>).

⁶ Черных. П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М., 2002. Т. 1. С. 231.

⁷ Заслуживает внимания то обстоятельство, что ряд словарей ставит на первое место «далекое место» (Словарь С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведовой), иные же — «далекое пространство, видимое глазом» (Д. Н. Ушакова, Т. Ф. Ефремова). Сама эта неустойчивость «порядка следования» значений указывает на то, что в настоящее время происходит перестановка акцентов в восприятии дали. В каком именно направлении происходит смещение семантических акцентов дали — вопрос специального лингвистического исследования. Пока же можно лишь высказать предположение, что тенденция такова: даль как эстетический феномен, как зрительное восприятие далекого пространства в семантике дали мало по малу выходит на первый план. Исходным значением дали, было, конечно, практическое значение, связанное с определением расстояния и расчетом усилий необходимых для того, чтобы добраться до места. Характерно то, что В. И. Даль начинает свое рассмотрение этой лексемы с ее описания через «сравнительно большое расстояние». Современная экзистенциальная и культурная ситуация подталкивает к смещению с восприятия и переживания тела на чувствительность к восприятию пространства и времени, что позволяет предположение о возможности закрепления семантического первенства именно за эстетическим значением дали.

¹ Подробнее о конституировании эстетики пространства в рамках «феноменологии эстетических расположений» см.: Лишаев С. А. От тела к пространству: данность и возможность в эстетическом опыте // *Mixtura verborum* 2010: слово и тело. Философский ежегодник. — Самар. гуманитар. акад. — Самара, 2010. С. 78–101.

² Это утверждение верно в отношении эстетики, но требуют корректировки, если говорить о философии в других ее областях. Всем памятно то место, которое отвел дали в суждениях о своеобразии западной (фаустовской) культуры, устремленной в бесконечность, Освальд Шпенглер (даль — прасимвол фаустовской культуры). Смыслообраз дали имеет у Шпенглера, помимо прочего, и эстетическую составляющую, однако он ее не тематизирует. Эстетика дали вплетается у немецкого мыслителя в историко-морфологическое описание западно-европейской цивилизации. Благодаря его монументальному труду «Закат Европы» концепт «даль» вошел в тезаурус философии истории и теории культуры. Правда, как концепт, даль сегодня используется не столько в актуальной философии, сколько в историко-философских исследованиях, то есть тогда, когда речь идет о возвращении автора «Заката Европы». Если говорить об эстетическом аспекте разработки концепта «даль» у Шпенглера, то для него важно было проследить то, как этот первофеномен (прасимвол) западной культуры обнаруживается в разных видах искусств (от архитектуры и градостроительства до живописи и музыки). Мы же, напротив, выдвигаем на первый план экзистенциально-феноменологическое описание дали, и хотим проследить, как она обнаруживает себя в нашем опыте, а культур-философский и философско-исторический анализ его манифестаций в разных временах и культурах отодвигаем — пока что — на будущее. Тот факт, что намеченное у Шпенглера движение к концептуализации дали не получило развития в рамках философско-эстетической мысли весьма примечательно и свидетельствует о том, что эта мысль до сих пор еще находится в зависимости от категориальных контуров эстетического, заданных в конце XVIII — начале XIX столетий.

³ См.: Манифест VIII Красноярского биеннале // <http://8.biennale.ru/doc.asp?id=124>

⁴ Производность дали от прилагательного далекий можно считать установленным. Об этом свидетельствуют, в частности, и историко-этимологические словари; в современных учебных пособиях для

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

места с необходимостью им не предполагается), зато первое свидетельствует о том, что на уровне языка даль как особый предмет чувственного восприятия зафиксирована уже давно, а также о том, что «даль» включает в себя чувственную составляющую.

Перечень эпитетов, сопровождающих даль, свидетельствует о том, что даль (подобно простору, уюту, пропасти, выси) — это слово разговорной речи, это слово поэзии, художественной литературы, публицистики, но никак не термин из понятийного словаря философии, науки и техники. Даль может быть манящей, бирюзовой, томительной, звенящей, etc. Другие выражения, используемые для указания на глубину по горизонтали, такой экспрессивностью не обладают. Когда мы говорим о большом *расстоянии*, о значительной *дистанции*, о *перспективе*, то заметного эмоционального отзвука эти слова у нас не вызывают. Даль же — это не просто концепт, указывающий на определенную конфигурацию пространства. Даль — это слово, в котором находит выражение эмоционально окрашенное впечатление от погружения созерцающего взора в глубину пространства.

Наиболее близким к дали концептом является «перспектива». *Перспектива* в словаре Ожегова-Шведовой раскрывается следующим образом:

1. Искусство изображать на плоскости трёхмерное пространство в соответствии с тем кажущимся изменением величины, очертаний, чёткости предметов, к-рое обусловлено степенью отдалённости их от точки наблюдения. *Законы перспективы*.
2. Вид, картина природы с какого-нибудь отдалённого пункта наблюдения, видимая даль. *Морская перспектива*.
3. перен., обычно мн. ч. Будущее, ожидаемое, виды на будущее. *Хорошие перспективы на урожай. В перспективе* (в будущем, впереди).

| прил. **перспективный**, -ая, -ое (к 1 и 3 знач.; спец.). *Перспективная аэрофотосъёмка. Перспективный план работ*⁸.

Как видим, второе значение термина «перспектива» по Ожегову-Шведовой практически совпадает с первым значением «дали». Однако мы, сопоставив их семантические поля, отдаем предпочтение дали. Это слово включено в универсум русской речи глуб-

⁸ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова Толковый словарь русского языка (онлайн-версия). <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-22784.htm> В словаре Ефремовой дается более пространное описание слова «перспектива»: «1. ж. 1) *Даль, пространство, охватываемые глазом* [здесь и ниже курсив мной — С. Л.]. 2) а) Искусство изображать, воспроизводить на рисунке, на плоской поверхности предметы в соответствии с кажущимся изменением величины, очертаний, чёткости, обусловленным степенью отдаленности их от наблюдателя. б) Кажущееся изменение величины, формы, положения предметов, вызываемое удаленностью их от наблюдателя. в) Характер, качество изображения на рисунке, на плоской поверхности этих изменений в формах предметов; живописное, графическое их изображение. г) Совокупность правил построения изображения трехмерных предметов на плоскости. 3) *Вид, панорама, картина природы, какой-л. местности как она представляется наблюдателю издали, с какого-л. определенного пункта наблюдения*. 4) а) перен. разг. Возможность или неизбежность чего-л. в будущем. б) План, программа действий. 5) устар. Прямая, длинная улица; проспект. 2. ж. Отдел начертательной геометрии, излагающий правила, способы изображения пространственных тел с помощью проектирования их на плоскость» (Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-70872.htm>).

же и органичнее, чем «перспектива» (а мы исходим из того, что задача актуализации смыслопорождающих возможностей русской речи — одна из самых насущных для отечественного философского сообщества). В пользу дали говорит и ее эмоциональная нагруженность, ее эстетическая «плотность», на фоне которой перспектива воспринимается как рассудочный, отстраненный от переживания термин. От перспективы приходится отказаться еще и потому, что она первым делом отсылает нас к особой технике изображения трехмерного пространства на плоскости, а эта техника равно применима и к создающему иллюзию глубины построению пространства комнаты, зала, площади, и к построению пейзажа с открытым в даль пространством. Термин «перспектива» незаменим (если говорить о русской речи) при обсуждении способов построения объемного изображения на плоскости, но если самостоятельным предметом осмысления оказывается открытый в глубину *вид на местность*, то чаще всего используют слово «даль». Оно — и это для нас существенно — выражает и определенную конфигурацию видимого пространства, и *впечатление от восприятия его глубины*, и свидетельствует о чувстве, возникающем в силовом поле этого восприятия. Поскольку мы ставим перед собой задачу исследовать восприятие глубины пространства как *эстетическое событие*, то и терминологический выбор мы делаем в пользу «дали».

Сказанное выше нисколько не мешает нам понимать даль в том направлении, которое весьма отчетливо задается термином «перспектива», то есть рассматривать ее как «вид вдаль, вперед, на расстояние, с обстановкой по пути разными предметами» (толкование «перспективы» В. И. Далем).

Необходимо подчеркнуть толкование дали в «перспективном» направлении обусловлена тем, что без такого уточнения концепт *даль* («то, что видно (пространство, пейзаж) на большом расстоянии»⁹, «далекое пространство, видимое глазом»¹⁰) сближается со смысловым полем концепта *простор* («свободное, обширное пространство» по Словарю Ожегова-Шведовой). И в обыденной речи, и в художественном языке эти слова нередко используются как близкие друг другу понятия¹¹: «в голубой дали, на просторах великой равнины было заметно какое-то движение...». Поскольку мы исходим из того, что вос-

⁹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М., 2002. Т. 1. С. 231.

¹⁰ По словарям Т. Ф. Ефремовой, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой // <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-18388.htm>

¹¹ В Словаре русских синонимов слово *простор* сопровождается такой ряд синонимов: «приволье, раздолье, свобода, масленица, место; ширь, даль; пространство, глазом не окинуть, горизонт» (Словарь русских синонимов (online версия) <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-69837.htm>). В другом словаре синонимов читаем: «ПРОСТОР, ширь, даль. Простор — далекое, обширное, свободное пространство, видимое глазом. Ширь усилит. — ничем не ограниченный простор. Даль усилит. — обширное, далеко видимое пространство. Слова *простор* и *даль* часто употр. во мн. ч.» (Словарь синонимов русского языка: ок. 2000 слов: ок. 800 синоним. рядов / Л. П. Алекторова, Л. А. Введенская, В. И. Зимин и др. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008. <http://slovari.yandex.ru/~книги/Словарь%20синонимов/~Пр/2/>) Как видим, словари сближают, и вполне закономерно, слова «даль» и «простор». Тем более важно, в перспективе задач, поставленных нами в рамках разработки концептуального поля «эстетики пространства» акцентировать отличие дали от простора.

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

приятие пространства в глубину по горизонтали и его восприятие по ширине и глубине — это разные эстетические феномены, то нам важно акцентировать внимание на тех моментах, которые позволят нам отделять даль от простора.

От дали также следует отличать горизонт. Это слово входит в синонимический ряд с далью, но существенно от нее отличается. Слово «даль» указывает на «далекое пространство, видимое глазом», а горизонт, если отправляться от греческого *horizon*, *horizontos* (разграничивающий), указывает, *прежде всего*, на видимую границу неба и земной или водной поверхности, то есть акцентирует внимание на последнем пределе видимого. Даль, в отличие от горизонта, включает в себя не только «край земли», но и все пространство, одевающее от «края» созерцателя. Правда словари указывают и на близкое дали значение («все видимое вокруг наблюдателя пространство»), но это все же ближе к семантике «простора», поскольку акцентирует не только измерение глубины, но и измерение широты («все видимое вокруг»). Недаром ближайший синонимы к горизонту — это «ширь», кругозор, оком¹².

Соображения, склонившие нас к тому, чтобы предпочесть — в эстетическом анализе видимой глубины пространства по горизонтали — «даль» «горизонту» те же самые, что и в случае с термином «перспектива». Слово «горизонт» заимствованное, оно слабее укоренено в русской языковой стихии, чем «даль», оно уступает ему по эмоциональной емкости, а кроме того, акцент в нем делается не столько на глубине пространства (столь подчеркнутой термином «перспектива»), сколько на его широте. Полагаем, что по всем этим причинам «горизонт» подходит для указания на измерение глубины в чувственном восприятии пространства еще менее, чем «перспектива».

Следующим шагом в анализе дали как эстетического расположения должна стать артикуляция (на нашем собственном и на литературном материале) эстетического своеобразия дали в отличие от простора.

Даль и простор

Простая, как Божье прощенье,
прозрачная ширится даль.

Ах, осень, мое упоенье,
моя золотая печаль!

В. Набоков

«Даль ширится...» Читая такое, понимаешь: речь не о дали, а о просторе, которого осенью становится больше. *Широкая даль* — это простор¹³. Возможность для погружения взгляда в глубину пространства растет по мере того, как деревья освобождаются

от листьев, а воздух становится прохладным и прозрачным. Без открытия пространства в глубину — нет шири. Раскрываясь вглубь, пространство раскрывается также и вширь. Раскрытие пространства «по сторонам» в ясные дни октября-ноября позволяет нашему взгляду проникнуть в глубину мира, в даль: природа освобождается от частностей, и из-под напластований сложного выступает простое, чистое, изначальное — пространство, мир, воля. «Даль ширится». Расширение происходит как в смысле открытия пространства вперед и в стороны (широкая даль), так и в движении осени от сентября к декабрю.

Когда мы говорим о *широкой дали*, то за этим словосочетанием может стоять *как опыт простора, так и опыт дали*. Характеристика такого опыта будет зависеть от того, на чем сделан акцент в самом восприятии: на шире или на дали. И в том, и в другом случае мы имеем дело с пространством, *открытым по горизонтали*, но в одном случае в центре находится ширина пространства (предполагающая также и отдаленность линии горизонта), а в другом — его глубина (не исключаящая, впрочем, шири). Простор указывает на *широту обзора*, а даль — на *глубину проникновения* взгляда в пространство, на возможность созерцания самой «дальней дали».

Простор не содержит в себе того, что провоцирует к движению взгляда и тела в *определённом направлении*, он дает нам опыт чистой возможности, еще не привязанной к определенной пространственно локализованной (зримой) цели. Цель может быть любой именно потому, что она визуально не акцентирована, оставаясь плавающей, иррациональной; *это не цель, а возможность избрания цели*. Переживание простора можно определить как переживание покоящейся в себе, нерастратченной полноты возможностей. Простор не провоцирует к движению потому, что в нем удержана возможность перемещения в *любом направлении*.

Полнота возможности быть, присутствовать, перемещаться успокаивает и умиротворяет. Тоска по простору — это тоска по утраченной полноте возможностей. Если проводить параллели с расположениями эстетики времени, то простор может быть связан с опытом юного как переживанием *чистой возможности иного*.

Простор — символ бесконечности, в которой еще не выделено направление. *Направленность дали отделяет ее от простора*. В ее переживании человек не погружается в чистую возможность движения, а набрасывает себя на возможность достижения определенной, но пространственно отдаленной цели.

Даль — пространственное *инобытие будущего*, выстроенного вокруг предлежащего в пространстве или предстоящего (во времени). Даль воспринимается как желанный предмет созерцания, а то, что виднеется в отдалении, выступает как возможная цель для всматривающегося в глубину пространства человека. Если проводить аналогию между далью и феноменами эстетики времени, то даль можно соотнести с *расположением молодости как переживанием определенного, хотя и отдаленного будущего*.

Пространство, открытое по горизонтали (*простор*), предполагает даль, а даль простора — с необходимостью — не предполагает, даль возможна и без него. В этом легко убедиться, если представить, что вы находитесь в долине между двух горных хребтов. В этом случае у вас есть шанс воспринять даль, но никак

¹² Словарь русских синонимов (онлайн версия) // <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-17135.htm>. В Словаре Ушакова в самом близком к дали значении также акцентируется широт, кругозор: «Кругозор, всё видимое вокруг наблюдателя пространство, до конечных пределов его. Какой неизмеримый горизонт открывается с вершины горы» // Там же.

¹³ Соединение шири и дали как способ говорить просторе, бескрайности, не такой уж редкий случай. Мне вспоминаются здесь строчки из песни «За Танаисом рекой», которую поли (поют?) студенты в археологических экспедициях: «Даль степная широка, широка, / Все Причерноморье, э-эх, / Вьется песня степняка, степняка / Во широком поле...».

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

не простор. Так бывает, например, в тех случаях, когда имеется предусмотренная архитектором смотровая площадка (обычно несколько возвышающаяся на фоне окружающего рельефа), пространство перед которой расчищено для того, чтобы дать место дальноразличию взгляду и открыть вид на дальние дали.

Даль сближается с простором, поскольку предполагает откровенность горизонта и возможность для беспрепятственного проникновения взгляда в глубину по горизонтали. Но в созерцании дали внимание фокусируется на дистанции, отделяющей созерцателя от линии горизонта. Взгляд в даль предполагает не движение слева направо и справа налево вдоль линии горизонта, а движение «туда» (вперед) и «обратно» (назад, к тому, что на переднем плане).

Один и тот же пейзаж может сопровождать и чувство дали, и чувство простора (а может не вызывать никаких переживаний). Когда в нашем восприятии актуализировано измерение шири, мы имеем дело с простором, а когда в фокусе внимания находится глубина пространства, мы говорим о дали. Все дело в том, на чем сделан акцент, на чем сфокусирован взгляд: на дальности далекого или на бескрайности горизонта (кругозора, овиди, если воспользоваться подсказкой В. Даля). Бесконечный простор — не метафора, это точное выражение того, с чем мы имеем дело в нашем восприятии. Но когда мы находимся на возвышении и наш взгляд погружается в глубину и растворяется в неясной, туманной области на границе земли и неба, Другое стучится в наше сердце уже в образе бесконечной дали.

Онтолого-эстетическая конституция дали

Мой финиш — горизонт, а лента — край земли, -

Я должен первым быть на горизонте!

В. С. Высоцкий. Горизонт

Даль на карте эстетических расположений. Формы присутствия человека — пространство и время. Благодаря этим универсальным формам чувственности человек имеет дело с собственной возможностью, с возможностью как началом, из которого он исходит как присутствующий в мире. Человек — существо «не в себе». Он «уходит в себя» только потому, что всегда уже находится «вне себя», во времени и в пространстве. И если человек — это возможность человека, если по способу своего существования он набрасывает себя на свои возможности, то понятия движения и понятие цели, заключающей в себе идею конца, завершенности движения, не могут не волновать его. Человек не может не испытывать волнения, когда задетой оказывается его способность присутствия. Эстетический опыт — это чувство условно или безусловно Другого как условия присутствия и понимания. Возможность (способность) присутствия в разных эстетических расположениях обнаруживает себя по-разному. Она может явить себя и как модус возможности/невозможности перемещения или пребывания (эстетика пространства), и как возможность/невозможность быть иным (эстетика времени), и, наконец, как возможность, полностью выполненная в какой-либо телесной форме (эстетика прекрасного)¹⁴.

¹⁴ Подробнее об эстетике пространства см.: Лишаев С. А. От тела к пространству... Указ соч.

Феномен дали принадлежит к эстетике пространства, и это делает его законным предметом исследования постклассической эстетики. Классическая эстетика от переживания возможности уходит, возможность как таковая ее не интересует: на первый план здесь выходит действительное, ставшее, завершенное и гармоничное тело (вещь). Не возможная жизнь, а полнота жизни здесь и теперь, удерживаемая в контуре телесной формы, находится на авансцене классической философии и эстетики. Прекрасная вещь (тело) — это возможность, которая без остатка исполнилась, полностью совпала со своим «что», совершенным образом оформилась. Находясь в пространстве и времени, она воспринимается как вещь, достигшая тождества с собственной сущностью. Ей нет резона меняться во времени или перемещаться в пространстве. Безусловная целостность как достигнутая цель — это полностью реализованная и как бы проскочившая сквозь пространство и время (проскочившая в вечность) определенная возможность¹⁵.

В эстетике прекрасного в центре внимания находится форма тела, а пространство («вмещающее») рассматриваем как фон, на котором это тело(а) явлено(ы). Но когда мы говорим об эстетике пространства, то имеем дело не с формами тел, а с формами пространства. В акте восприятия определенной конфигурации пространства данные взгляду тела — это всегда вмещаемые тела. Тела в расположениях эстетики пространства могут лишь оттенять или затенять чистоту той или иной формы пространства.

В противоположность прекрасной данности данность пространства — это данность той или иной возможности, а не той или иной вещи. Возможность визуально определяется (в ее пространственной данности) или как возможность пребывания (эстетика места, и, в частности, — эстетика закрытого пространства), или как возможность движения (эстетика измерений).

Человек существует способом набрасывания себя на собственные возможности, а его онтологически фундированная «среда обитания» — есть не что иное, как поле открытых перед ним возможностей. Поэтому созерцание того или иного модуса возможности (в расположениях эстетики пространства и времени) является эстетическим событием и особым переживанием.

В феноменах эстетики пространственных измерений наше существование проецируется на пространство. Наше бытие «в» (обнаруживающее себя в открытости миру, в свободе от привязанности к конкретной ситуации обычным для животных приводом генетически наследуемой соотнесенности тела со средой обитания) по-разному открывает себя в различных эстетических расположениях. Пространство как чувственно воспринимаемая возможность/невозможность перемещения в мире раскрывается и 1) по ходу движения, и 2) в актах со-

¹⁵ Чувство прекрасного — это невозможный опыт (то, чего не может быть, но что, тем не менее, есть). В переживании прекрасного нам, странным образом, дана совершенная вещь, вещь, до конца исполнившая свои потенции. Прекрасное — это событие, заполняющее собой пропасть между реально существующей вещью (всегда и по определению лишь отчасти похожую на саму себя) и ее идей, ее вы полненностью, ее смыслом, ее целью. Прекрасная вещь совершенна в своем роде; впечатление от нее нередко пытаются передать словами: «ни прибавить, ни убавить».

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

зерцания пространства, содержащих в себе свернутый опыт прошлых перемещений и 3) движение возможное, будущее, воображаемое. В расположениях эстетики пространства мы имеем дело с переживанием существования, которое можно определить как *переживание возможности присутствия*. Возможность, в отличие от вероятности или необходимости, отсылает к нашей решимости и свободе, к нашей силе, к способности перешагивать через барьеры.

Даль как эстетическое расположение или: что с нами происходит, когда мы любуемся далью? Мы рассматриваем даль как эстетическое расположение, в котором *пространство как поле возможного перемещения/пробытия* воспринято в глубину по горизонтали. Если простор — это опыт пространства как еще *не определившейся возможности* (как возможности в ее чистоте), то в переживании дали мы имеем дело с *возможностью как ограниченной видимой нам перспективой*. Расстояние между созерцателем и «краем земли» в точке эстетического события перестает быть просто «расстоянием», оно переживается как *путь, преодолеваемый взглядом* (а также как путь, который человек *может пройти, если захочет*). Последняя грань видимого (самая дальняя даль) воспринимается как предел зримого и, одновременно, как энтелехия созерцающего взгляда. Край земли как бы *стягивает* пространство, распростертое между дальней далью и созерцающим ее человеком, и позволяет, зрительно, «забежать» вперед, к тому, что доступно для намагниченного горизонтом взгляда.

Отсюда следует, что даль может быть истолкована как пространственная символизация человеческой (пред)назначенности к Другому (Иному), как пространственный эквивалент его устремленности «к чему-то» или «к кому-то»: к какому-то смыслу, к какой-то цели. Даль — это возможность, отнесенная к цели. В фокусе внимания здесь находится крайняя точка видимого, предел возможного движения. Можно сказать, что даль — это пространственный образ судьбы, образ человеческого удела вообще и персонального удела в частности. Человек — это существо, грезящее далью и устремленное в будущее.

То, что расположено *поблизости*, воспринимается человеком как «еще не все». Это «не все» на уровне чувственного восприятия обусловлено схватыванием иного, отдаленного, того, что *не здесь*. В переживании дали мы захвачены перспективой *возможного движения* (видимая даль резонирует с внутренней далью — с будущим, с надеждой¹⁶) и в то же время — мы видим нечто недоступное, отдаленное от нас расстоянием, пространственной дистанцией. Соответственно, то, что находится на горизонте (или сам горизонт), воспринимается и как *цель возможного движения*, и как *предмет желания*.

Способность к эстетической реакции на даль как на *другое место* свидетельствует о нашей уже-отнесенности к Другому. Именно эта изначальная отнесенность и позволяет нам откликаться на то, что находится на пределе видимого и овладевает вниманием благодаря своей отдаленности.

Что же созерцает созерцающий даль человек? *Край земли как предел (и гипотетическую цель) возможного перемещения или само движение от здесь к там, от знакомого к незнакомому?*

Анализ показывает, что даль следует понимать как эстетическое расположение, в котором мы имеем дело с *переживанием возможности бесконечного движения в бесконечном пространстве*. Что касается возможности восприятия созерцания отдаленнейшего как предела видения, то она в этом расположении не осуществляется, не становится его итоговым эстетическим эффектом. Восприятие горизонта как границы видимого вступает в игру с другими моментами эстетического опыта и, в итоге, горизонт не переживается как «последний предел». Ведь в нашем созерцании всегда содержится знание, что за линией горизонта есть иные, новые горизонты.

Но, быть может, в акте созерцания дали мы забываем об этом знании и смотрим в даль взглядом ребенка, который никогда еще не покидал пределов родного дома и окружающего его двора и сада? Глаз, нечто знающий, не может не знать того, что он уже знает. И наш собственный опыт, и известных нам описаний дали, не дают оснований для того, чтобы говорить о восприятии дали как последнего предела.

Конечно, дело не только в опытном и отвлеченном знании об условности горизонта как границы. Дело еще и в том, что *в самой дали как предмете созерцания содержатся такие чувственные даты, которые способствуют актуализации знания о ее относительности*, подвижности. При попытке приблизить даль она убегает, ускользает от нас, *расслаивается и растягивается по мере того, как мы к ней приближаемся*. Убегающая в даль последовательность планов также подталкивает нас к восприятию линии горизонта как символа бесконечного движения, как условной границы, задающей направление возможного движения. То есть дальняя даль (то, что на горизонте) — это граница видимого, которая прочитывается взглядом как образ неисчерпаемости пространства, как символ бесконечности движения к иному. Даль туманна, как будущее в сознании молодого человека, и движение к ней обещает прояснить даль, но никак не исчерпать возможность дальнейшего движения¹⁷. Близкой дали — не бывает.

Даль динамична. В ней есть что-то, подталкивающее взгляд к бегству от «здесь» — к «там». То, что убегает — убегает в даль. И это — в силовом поле созерцания — дает чувство, что за видимым краем земли есть другая даль. Предположить это понуждает нас *внутренняя динамика воспринимаемого нами пространства*. В созерцании дали акцентируется не столько граница видения, сколько сам переход к другому, сама динамика пространства, поддерживаемая видимым ее расслоением на множество планов: взгляд скользит от переднего, отчетливого и насыщенного цветом плана, к чему-то более спокойному и, в конце концов, к самому дальнему и самому разбелённому плану. Мы созерцаем *последовательность* слабующих от ближнего к дальнему цвето-световых планов, генерирующих сверхмощную «визуальную тягу» в пространственную глубину, в лило-

¹⁶ Соотношение опыта дали и переживания времени (будущее как фокус эстетического переживания) очень интересная и важная тема, которая заслуживает специального исследования. Мы здесь ее только обозначили, оставляя подробное ее рассмотрение на будущее.

¹⁷ Ближайший к дали феномен эстетики времени — это *молодое* как условное расположение эстетики линейного времени. В его фокусе находится переживание определенного будущего, определенной возможности трансформаций созерцаемой формы «во времени».

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

вую даль. Затуманенная у горизонта земля провоцирует нас к тому, чтобы попытаться приблизить смутно видимое, сделать его более ясным, отчетливым.

Человек испытывает радостное чувство, когда он видит даль и когда ему удастся зримо *приблизить и прояснить* ее¹⁸. В переживании дали соединяются *здесь* и *там*, присутствие и отсутствие. То, что дано на расстоянии в определенном смысле отсутствует. Впрочем, «нет» далекого можно превратить в «да» близкого (в «здесь»), стоит только отправиться в путь и преодолеть дистанцию между *тем, что здесь*, и *тем, что кажется в глубине*. В этой опережающей *достижимости* «нездешнего» скрывается *провоцирующее начало*, склоняющее к тому, чтобы бросить привычное и отправиться «в даль», сделав туманное — ясным, отсутствующее — присутствующим. Динамика убегающего к горизонту пространства убеждает: горизонт — это не «край земли», а всего лишь *предел видимого пространства*...

И все же даль есть форма явленности Другого. Отдаленное воспринимается как *относительно Другое*, как отличное от того, что рядом, что находится на переднем плане, уже потому, что оно — *не здесь*. Всякая *граница* (едва различимые на горизонте горы, контуры города, леса, etc.) *провоцирует заглянуть «за» нее: посмотри*, за «краем земли» ничего больше нет, *или за далью скрывается другая даль?* И если есть, то какая она? Условность, относительность дали (Другое в ее созерцании — лишь условная граница возможного движения) смещает наше внимание на движение. Если за этой далью нам откроется иная даль, то на первый план выходит *движение вперед* (направленное движение в глубину).

Конечная цель таким движением может предполагаться или не предполагаться, но если *визуально наблюдаемая цель не воспринимается как безусловная*, окончательная, то на первый план (и в сознании, и — в интересующем нас случае — в переживании) *выходит ситуация перемещения* сама по себе. В центре внимания — само движение к иному, незнакомому¹⁹. Движение в этом случае — это основное, постоянное, а его цели — нечто

¹⁸ Эстетический эффект динамического взаимодействия с далью прекрасно описан Лермонтовым в «Дневнике Печорина» в памятном всем читателям «Героя нашего времени» эпизоде, когда Печерин, после взволновавшей его встречи с Верой, садится на коня и скачет в степь: «Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благоуханный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума» (Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том второй. М., 1990. С. 527–528). Мы привели цитату полностью, поскольку полагаем, что осознанный и точный прозаизм («усталость тела победит тревогу ума») ничуть не отменяет того, что душевная легкость сопрягается с созерцанием открытого пространства и с тем воздействием, которое оказывает на человека даль и ее зримое приближение, открывающее новые дали.

¹⁹ Даль символизирует лишенное последней Цели (Бога, Абсолюта) трансцендирование. Недаром это расположение было столь любимым романтиками, находившими в голубых и лиловых далах бесконечное движение, мечту, идеал, отрыв от здешнего, от повседневного... Можно вспомнить чеховских героев, которые, с одной стороны, мечтали о лучшей жизни через 200–300 лет, а с другой, испытывали неизбывную тягу к уходу. И время от времени предлагали друг другу: «бросайте все и уходите, пока не поздно...» («в Москву, в Москву!»)

условное, сменяемое... Остановка в пути связывается не с достижением цели, а с невозможностью продолжить движение. Остановка не обусловлена самой ситуацией созерцания дали и движения в даль, она задана извне: останавливает не отсутствие нового горизонта, а старость, болезни и смерть.

Нельзя не сказать и о том, что особенное дали — это переживание иного (видимого издалека) места как *лучшего, более привлекательного* (более интересного и обещающего), чем то, в котором я нахожусь теперь. То, что отсутствует «здесь», может присутствовать «там»; даль хранит в себе огонек надежды: кто знает, может быть там, и правда, лучше, чем здесь?²⁰

Вид в даль провоцирует агональность, подталкивает нас к тому, чтобы мы не только пробрасывали себя (в своем воображении) к горизонту, но и желали бы опередить в этом движении других или хотя бы самих себя, оставив позади свои лень и немощь. В видимой нами дали как будто бы свернуто усилие, необходимое для преодоления пространства, разделяющего созерцателя и то, что находится на границе видимого, на пределе возможного. Даль напряжена необходимой для ее прохождения силой, волей, «мочью». Усилие, необходимое для движения в даль, для преодоления дистанции, отделяющей человека от линии горизонта переживается как усилие само-преодоления²¹.

Преэстетические предпосылки

Рассуждая о конституции дали как эстетического расположения, нельзя забывать о спонтанности, произвольности эстетического опыта. В то же время, не стоит недооценивать и важности исследования эстетических предпосылок дали как события. Именно они делают событие дали возможным и способствуют его свершению. Что касается характеристики ландшафтов, благоприятствующих встрече с далью, то об этом мы,

²⁰ Ожидание того, что отдаленное, неизвестное, будущее связано с предустановками человека модерна, порывавшего с ориентацией на прошлое и на вечное. Культура модерна, не утратив страха перед будущим (страх катастрофы), все же смотрит в будущее с надеждой. Да и как может быть иначе в культуре, сделавшей ставку на новое, небывалое.

²¹ Приведем отрывок из песни В. С. Высоцкого «Горизонт», где обыгрывается тема предельного усилия в рискованной экзистенциальной гонке, имеющей целью достижение границы возможного (то есть достижения горизонта) и... ее преодоления, «проскакивания» «за горизонт».

«Чтоб не было следов, повсюду подмели...
Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте:
Мой финиш — горизонт, а лента — край земли, —
Я должен первым быть на горизонте!
<...>
Меня ведь не рубли на гонку завели, —
Меня просили: «Миг не проворонь ты —
Узнай, а есть предел — там, на краю земли,
И — можно ли раздвинуть горизонты?»

Наматываю мили на кардан.
Я пулю в скат влечь себе не дам.
Но тормоза отказывают, — кода! —
Я горизонт промахиваю с хода!»

Предельное усилие, направляемое отдаленностью горизонта, достигает только его раздвигания. Достичь горизонта не удастся, точнее, достичь его — значить выйти за грань земного бытия: предельное усилие на пути к последнему, крайнему кончается смертью («я горизонт промахиваю с хода»).

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

так или иначе, высказывались. А потому повторим уже сказанное: условием восприятия дали можно считать данность пространства, открытого до самого горизонта, причем горизонт должен быть отделен от созерцателя на большое расстояние. Что здесь требует конкретизации, так это значительность дистанции, отделяющей созерцателя от горизонта. Простого наличия в поле зрения линии горизонта для дали недостаточно. Если поверхность земли перед нами немного повышается, то линия горизонта пройдет слишком близко к созерцающему ее человеку, так что условий, необходимых для возникновения чувства дали не будет. Впрочем, и тогда, когда мы находимся на ровной поверхности, шанс соприкоснуться с далью остается незначительным, разве только пространство перед созерцателем будет совершенно свободным от строений, а сам он поднимется на некоторую высоту (на высоту небольшого кургана или дерева в степи, на высоту корабельной палубы).

В общем же случае условия для созерцания дали можно считать благоприятными, когда место, на котором мы находимся, приподнято над поверхностью земли или воды (холм, высокий берег реки, озера, моря и т. д.). Тогда небольшие предметы на первом плане и значительные предметы на среднем и дальнем планах не будут мешать восприятию глубины пространства, а линия горизонта окажется отдалена на достаточное для созерцания дали расстояние.

К преестетическим условиям дали на стороне субъекта восприятия можно отнести его настроенность на ее восприятие. Причем следует отличать настроенность персональную и культурную. Культурная традиция способна подготовить человека к восприятию дали, она делает его чувствительным к ней через семантические предустановки языка, через ее описания в художественной литературе, через разнообразные формы ее воссоздания на плоскости (пейзажный жанр в живописи, сложные перспективные построения, отображающие глубину пространства), а также благодаря градостроительной практике, архитектуре и садово-парковому искусству, акцентирующим перспективные эффекты пространства, и «открывающим даль» своими особыми средствами.

Понятно, что человек, который принадлежит традиции, культивирующей даль, имеет больше шансов обратить на нее внимание, чем тот, кто к ней не принадлежит. Нельзя не согласиться со Шпенглером, что античность, центрированная на культе пластически совершенного тела, дали не культивировала, более того — она ее всячески избегала²². Соответственно, античный человек имел гораздо меньше шансов быть задетым видом глубокого пространства, чем имеет современный европеец, принадлежащий к традиции, много веков культивирующей восприимчивость к дали как особенной форме пространства, доставляющей эстетическое удовольствие. Но значит ли это, что, к примеру, афинянин времен Перикла не мог испытывать радости от созерцания глубины открытого перед ним пространства? Разумеется, нет. Радость от встречи с далью была возможна и в те дальние времена, поскольку чувствительность к тому, что открыто взору в глубину по горизонтали, опирается на антропологические универсалии, на встроенную в челове-

ческую природу *открытость*, на способность человека к осознанному изменению своего положения в мире (в пространстве) и к *ориентировке во времени*, к *сознанию себя временным, конечным существом*.

Тот, кто способен двигаться от чего-то к чему-то и прикидывать, где он будет (что с ним будет) через день, месяц или год движения по дороге (в том числе, — по дороге жизни), того нельзя *отлучить от возможности испытать особенное чувство при встрече с далью*. Каждого молодого человека волнует будущее, о котором он размышляет, мечтает, для приближения которого он что-то делает, а это значит, что *вид в даль* способен взволновать представителя любой культуры.

Культура может развивать в людях сознание ценности открытия нового, неизвестного, или, напротив, препятствовать реальному и воображаемому выходу в открытое и неопределенное «когда-то» и «где-то», предлагая им четкие образцы для подражания (известное будущее). Но все это не устраняет фундаментальной на уровне антропологических универсалий способности человека очаровываться глубиной и далью. Отличия в реакции представителей разных культур на то, что по-русски именуется далью, состоят в том, что одни люди смогут и захотят артикулировать свое переживание, осознают его, воплотят в музыке, живописи и архитектуре, а другие этого не сделают, в одном обществе опыт дали будет переживаться часто, в другом же — редко или даже очень редко...

Говоря о культивировании внимания к дали в рамках больших традиций, не стоит забывать и о значении *индивидуальной культуры общения с далью*. Восприимчивость к дали во многом определяется индивидуальным опытом ее испытания, персональной тягой к ее созерцанию. Даль — это опыт, который когда-то с нами случается (если случается). Встреча с далью может произойти в детстве или отрочестве и забыться, но она может произойти и позднее и удерживаться нашим сознанием как ее персонализированный образ, как особенное расположение и переживание. Персональный первообраз дали лежит у истоков каждой новой встречи с ней и индивидуальной «любви к дальнему» вообще. Новые встречи с далью во многом определяются с сознательным и бессознательным стремлением к воспроизведению ее первоопыта. Но стремиться поместить себя в тот тип пространства, в котором человек когда-то испытал особенное чувство, это и значит культивировать даль, исходя не только из живой традиции, но и из индивидуального эстетического опыта.

В заключение экскурса в проблематику преестетической настроенности на встречу с далью, следует вспомнить о том, что для того, чтобы даль имела в душе место, важно, чтобы человек — безотносительно к тому, был у него прежде опыт встречи с далью, или его не было — настроился на созерцание. Возникновению любого утверждающего эстетического расположения способствует внутренняя свобода от мелочной бытовой озабоченности и страстной увлеченности чем-либо, ничем не ангажированный взгляд на окружающий мир и внутренняя готовность к встрече с тем, что не входит в сетку обычных дел, встреч, вещей и отношений²³.

²³ Об этом условии встречи с далью мы не будем говорить подробно, поскольку не раз уже артикулировали это преестетическое условие, которое остается одним и тем же в самых разных эстетических расположениях. За более подробным анализом этой составляющей эсте-

²² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 338–341, 345–348, 371–372, 441–443 и др.

ЛИШАЕВ Сергей Александрович / Sergey LISHAEV

| Любовь к дальнему. Эстетика дали в кратком изложении |

* * *

Подводя итоги исследованию дали, еще раз укажем на особенности ее онтолого-эстетической конституции: даль принадлежит к *утверждающим* расположениям эстетики пространства, в которых Другое (Другое в модусе Бытия) дано на *условном* онтологическом уровне. Другое дали переживается как *возможность направленного движения к иному*, как возможность перемены места.

В этом расположении человека окликает немой призыв: оставь привычное и отправляйся к лучшему, неизведанному.

тического события отсылаем читателя к работе: Лишаев С. А. Эстетика Другого. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008, С. 38-49.

Горизонт в расположении дали — не безусловная граница, а символ бесконечности пространства и движения.

Даль — эстетический феномен. Видимая даль не является для нас предметом утилитарного интереса, как не является и предметом интереса религиозного, морального или познавательного. Горизонт, задающий направление взгляда в даль, дан безотносительно к нашим бытовым заботам и нуждам. В этом расположении по-своему *даст о себе знать* наша *готовность к ответу на зов*. В конечном итоге, говоря об экзистенциальном основании дали, можно утверждать, что даль как что-то особенное, желанное и манящее заставляет человека почувствовать неполноту и незавершенность своего существования, свою бесконечную нужду в Другом и свое неутолимое желание единения с ним.

